

В сегодняшнем выпуске литературной страницы приняли участие преподаватель музыки Эвальд Риб, работник локомотивного цеха ЖДТ комбината Рафаиль Ильясов, корреспондент газеты «Магнитогорский металл» Сергей Сухобоков.

Из блокнота художника

Зорко охраняют мирный труд нашего народа советские воины. Они изо дня в день совершают свое мастерство с тем, чтобы быть готовыми в любую минуту исполнить свой священный воинский долг.

Рис. П. Хныкина.

Заря запуталась в кустах,
но нам на новом перекрестке
большое солнце на руках
несут сибирские березки.
Нас на коне бровастый дед
повез лесной дорогой узкой.
Душа немела в десять лет
от боли,
от щемящей грусти.
Меня старик спросил:
— Как звать?
— Артур! —
мой брат ему ответил.
— Ты музыкант, сынок?
Сыграть
ты мне должен,
когда приедем.
— Играть не сможет мой артист,
в футляре —

щепки в мешковине,
а скрипку, дед, разбил фашист.
— Да што ты? Где?
— На Украине.
В село Лучи
ворвался фриц,
где жили мы,
где насмотрелись...

Эвальд РИБ

СКРИПКА

Израненную песню птиц
прижал к груди измятый вереск.
Эсэсовцы вломились в дом
и шнапс настойчиво просили,
а мать сказала:
— Шнапс не пьем...
И нашу маму застрелили.
— А ну-ка, марш сыграй, щенок, —
Один приказывал с улыбкой.
Он:
— Нет! — шепнул.
И в потолок
взлетели щепки...
щепки скрипки.
...Бежали мы от пуля, огня,
бежали от немецкой речи.
Спасибо, брата и меня
к своим доставил наш разведчик.
— Но ты старшой... Себя избавь
от дум полных...

— Понимаю.
— Гляди: село,
для вас изба,
и председатель вас встречает.
А скрипку дай-ка мне, сынок.
Верну ей голос — успокоюсь.
Мечту твою убить не смог
германец опытной рукою.
Шли дни...
И я пришел в колхоз
работать с новыми друзьями.
Там листья падали с берез
на землю желтыми дождями.
Грузили мы мешки с зерном,
в упряжке спали коровенки,
а бабы по ночам тайком
оплакивали похоронки.
...Когда обедать собрались,
сибирский дед принес мне
скрипку.
— Готова. На, Артюш. Учись.
Теперь сыграй, — сказал он
хрипло.

Я тут же струны натянул...
Настроил, отодвинул шашки...
И в небо мой смычок взметнул
призыв народной «Варшавянки»!

Рафаиль ИЛЪЯСОВ

К ЦЕЛИ

Нет, не ишу я жалости людской,
Просить о помощи с рожденья
не умею.
Как Пушкин говорил, я сам
большой
И сам кого угодно пожалею.
Но жизнь прожить — не поле
перейти.
В ней каждый, даже сильный
спотыкался.
Но кто упал и силы смог найти
Подняться, тот до цели добирался.
А кто упал и, хныкая от боли,
В безвольном страхе веру
хоронил,
Тот с верой вместе и себя губил,
Став жалким существом без силы
воли.
Поэтому быть слабым не хочу,
Иду по жизни сам своей тропой.
Не жалости в сердцах людей ишу,
А пониманья самого простого.

БРАТИШКЕ

Есть солнце, о котором мы не
знаем,
Не видим, хоть лучи его щедры,
До самой повзросления поры
О будущем далеком лишь
мечтаем.
И беззаботные пока идем вперед
Другими приготовленной тропой.
Оно нам освещает путь-дорогу
Туда, где нас работа наша ждет.
Его в народе верой называют,
Горящей над сердцами тех людей,
Которые бессилье презирают,
Жизнь посвящая Родине своей.
Но есть еще и черное сомненье.
Пред ним душа сломилась
не одна.
Есть ночь, которой нет уже
чернее,
Безжалостна с заблудшим в ней
она.
Ни искорки, ни отблеска там
нету,

Надежды тонут в липкой темноте.
И потому, братишка, веры светом
Я дорожу, как жизнью на земле.
И потому должны мы быть

сильнее,

Должны быть крепче духом
в много раз
Всех самых неожиданных
сомнений,
Встречающих в пути далеком нас.

ДРУЖОК

Снега, снега, трескучие морозы
И скучная деревня за окном...
Весною здесь растут червонные
розы,
Сады цветут фруктовые кругом,
И парубки с дивчинами гуляют
Под сводами зелеными садов;
Танцуют, пляшут, песни
запевают,
Волнуя память дряхлых стариков.
А нынче все мороз, да снежные
бураны...
И скука тихая по улице течет.
Одно мне развлечение утром
ранним,
Когда на небо солнышко взойдет,
Искрящийся снежок кидать
лопатою,
От снега расчищая дядькин двор.
Щенок соседский мордочкой
кудлатой
Приветливо кивает чрез забор...
Капризный непоседливый
малышка,
Он то беззлобно лает на меня,
То, хвостиком игриво поводя,
Повизгивает радостный чуть
слышно.
И ждет, когда ему я помогу
Во двор наш недоступный
перебраться,
Потом со мной валяется в снегу
И каждый раз не хочет
расставаться.
Собачка милая, дружок
мой презабавный,
Ну что бы я здесь делал без тебя,
Замучил бы себя, наверно, скукой
давней,
Часы безделья тщетно торопя.

В ГУСТОМ дремучем
лесу доживала свою
долгую жизнь старая-старая
ель. Уж совсем почти были
размыты узловатые высохшие
корни, и еле-еле цеплялись
за землю, отваливаясь
кора, осыпавшись от малейшего
дуновения ветра желтые
иголки, а расщепленный
молнией ствол ее почти
весь зарос древесным мхом.
Молчаливо глядела она по
последние свои дни на белый
свет и лишь изредка чуть
слышно поскрипывала.

...Под когда-то густой, а
теперь уж редкой сенью ее
тянулась к свету молодая
елочка, задорно топорща
свои мягкие веточки, когда
к ней, умытой дождем, добира-
лся луч солнца — ах, как
сияла она тогда своей све-
жей зеленью! Она поднимала
свои ветки навстречу
солнцу, ласково глядящему
ее своими лучами, кивала
верхушкой налетавшему ве-
терку и тянулась, тянулась
вверх!

«Скоро ли, наконец, свалит-
ся эта старая развалина, —
думала часто молодая кра-
савица. — Сколько тогда све-
та и свежего ветра доста-
лось бы мне! Как бы я сразу
выросла и похорошела!»
Она с нетерпением ждала
того дня, когда откроется,
наконец, ей ясная синья не-
ба, затененная теперь кривой
старушечьей вершиной.

Но шли дни за днями, на-
летали ветры, косили дожди,
сыпала ель иголками, усти-
лая мягкую лесную землю,
однако, очнувшись утром от
крепкого молодого сна, все-
гда слышала елочка все то
же поскрипывание своей со-
седки, держали еще старую
в жизни ее узловатые корни,
хотя под большинством из
них нарыли себе норы мы-
ши.

И вот в одно утро не вы-
держала елочка скопившейся
досады и пропела стару-
хе:

— Ох, жалко тебе, наверно,
смотреть на мою молодость
— ведь ты уже так
слаба...

«Почему же жалко? Ведь
и я молода была... Давно
это было», — подумала ста-

рая ель, но промолчала —
тяжело ей было отвечать.

— Ты, наверное, и забыла
цветущую силу молодости,
— не унималась молодая
елочка.

«Разве можно забыть о
молодости своей, да еще ви-
дя ее перед собою», — ус-
мехнулась про себя старуха.

— Знаю, страх тебя берет
при порыве сильного ветра,
страх, а не веселую удаль
чувствуешь ты, когда сечет
тебя дождь, и верно готова
ты умереть при каждой
выпешке молнии, — выпали-
ла елочка, до-нельзя раз-

долго мы еще шумели с ним
вместе... Да, долго, — да
только и с того времени,
когда расцепились наши вет-
ви — много поднялось в ле-
су деревьев... Вот и ты не
знала его. Эх и одиноко мне
было тогда... Да все тянул
свои пеньки лес — семья моя,
да и оттянул от меня тоску.
Да и кедра этого, что лежал
на земле передо мною —
уже не различить — только
вон — еле приметной вол-
ною выгнулась земля там,
когда он упал...

«А потом и ты появилась...
Хорошо мне было, когда я
чувствовала, что заслоняла

Сергей СУХОБОКОВ

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

драженная равнодушным,
как ей показалось, молчали-
ем, соседки. Но старая ель
и на это ничего не ответила
ей. И молодуха отстала —
ее занял стройный кедр, ки-
вавший ей невдалеке.

А ель старая думала-ду-
мала в ответ на слова моло-
дой елочке: «Глупая, ты глу-
пая. Ведь живому всему толь-
ко тогда страшно, когда есть
что терять. А старшее всего
бывает таким молодым, как
ты, потому что они облада-
ют самым большим богат-
ством — своей молодостью...
Помню — и я когда-то мо-
лодой была, — каждый луч
солнца для меня был счасть-
ем. Сколько с той поры име-
ла я счастья этого — тебе и
не снилось столько! Да и ду-
мала я умереть от удара
молнии, когда обожгла она
мое молодое тело, и свали-
лась бы, наверное, и умерла
— не подхвати меня своими
сильными ветвями такой же
вот стройный кедр, что ки-
вает тебе сейчас. Но крепко
держал он меня, и — удер-
жал. Теплые дожди заласка-
ли мою рану, и долго-

от сильного ветра тебя —
тоненькую веточку зеленую,
вылезшую из земли... А для
тебя сейчас — знаю — мед-
ленно время тащится. А по-
том — полетит птицей, а по-
том — не будет его совсем,
как вот сейчас для меня...
Все я видела, все знаю... К
чему мне время? — стою и
гляжу...»

...Отзвенел тот день, а ве-
чером сильный ветер под-
нялся. За широким, хоть и
трехствольным уж стволом ста-
рой ели он лишь чуть овеял
молодую елочку, и та сладко
спала, слегка раскачиваясь.
А старуха уже из последних
сил цеплялась корнями за
землю, но к утру обессилела.
Особенно сильный порыв
ветра качнул ее на спящую
елку, но она, удержавшись
в последний раз, откатну-
лась и повалилась в другую
сторону и рухнула в просвет
между двумя соседними еля-
ми, пригнув на мгновение их
ветки. И сейчас же новый
порыв ветра вздернул мо-
лодую елку. Она прогнулась
и снова упруго выпрями-
лась...